

Розовский Б.Г.,

Заслуженный юрист Украины

доктор юридических наук, профессор

заведующий кафедрой правоведения

юридического факультета ВНУ им. В. Даля

ЯЗЫК НАУКИ И «НАУЧНЫЙ ЯЗЫК»

В статье рассматриваются проблемы этики написания научных произведений. Оспариваются предписываемые требования к их оформлению. Предпринята попытка доказать несостоятельность существования, наряду с языком науки, некоего «научного языка».

Ключевые слова: язык науки, «научный язык», требования ВАК, плагиат.

Настоящий ученый приступает к написанию статьи, тем более объемного произведения, когда у него появляется свежая идея. В юридической науке данное правило применяется крайне редко. Непредвзятый анализ подавляющего большинства публикаций правоведов свидетельствует о значительной засоренности исследованиями типа «понятия понятий»: «Иванов сказал так, Петров – иначе, Сидоров – по-другому. Если обобщить, получается то же». На этом фоне зачастую теряется стремление выявить и устранить имеющиеся недостатки в законодательном регулировании – анализируются ранее кем-то опубликованные работы, в лучшем случае тексты законов, а требуется исследовать реальную жизнь, выяснять, как она реагирует на их применение¹.

¹ Влас потратил несколько часов на то, чтобы запустить только что купленный моторчик. И сколько ни штудировал прилагаемую к нему инструкцию, так ничего у него и не получилось. Отчаявшись, он пошел к старику-соседу, который глянул на моторчик, покрутил, повертел его и тут же запустил. – Надо же! – удивился Влас. – Как же вам удалось так быстро его запустить, даже не глядя в инструкцию? – Сынок, – ответил старик, – я не знаю грамоты. А когда не умеешь читать, надо соображать!

Алармисты бьют тревогу: запасы природных ископаемых истончаются год от года. Я не разделяю опасения – когда-то дефицитной слюдой ныне не стеклят окна. Происходят революционные преобразования в технологии производства и в потреблении. В юридической науке при трезвой оценке слишком много «слюды», явно недостаточно приращение смыслами. Еще одна беда – некорректное использование статистики. По этому поводу есть типичный пример: «В Тульской области по сравнению с 1913 г. число писателей возросло в 59 раз. До революции там был один писатель, правда, его звали Лев Толстой». У нас распространенная беда, чуть ли не каждый исследователь констатирует: право – это социальное явление (в чем мало кто сомневается), а потому обладает лишь относительной автономностью. Право существует только вместе с другими социальными явлениями («чистых» правовых явлений и процессов, без культуры, политики, экономики, психики и т.д. в эмпирической реальности нет), оно обусловлено социумом как целым, и изучать его необходимо во взаимосвязи с ними. Однако при оценке эффективности правовых норм не найдешь работу, в которой бы, учитывался уровень социальной напряженности в обществе в разные периоды времени, статистика преступности приводится без меняющейся оценки тяжести преобладающих преступлений и т.п.

Наверное, надо пересмотреть ныне существующую жизнь нашего научного сообщества. Сделаю отступление. Супруга Достоевского вспоминает, как В.Г. Перов писал один из лучших своих портретов: «Прежде чем начать работу, Перов навещал нас каждый день в течении недели, заставая Федора Михайловича в самых различных настроениях, беседовал, вызывая на споры, и сумел подметить самое характерное выражение на лице мужа, именно то, которое Федор Михайлович имел, когда был погружен в свои художественные мысли. Можно бы сказать, что Перов уловил на портрете минуту творчества Достоевского». Надеюсь, меня поймут правильно. Ученый, даже великий, велик не сам по себе, а лишь в окружении других, кого он питает идеями и кто, в свою очередь, питает ими его. Современные же правоведы в подавляющем

большинстве ученые-одиночки. Даже будучи сотрудниками одного подразделения, крайне редко совместно обсуждают исследуемую проблему. Научные конференции, да простят меня коллеги, это парад суверенитетов, горячее обсуждение докладов – чрезвычайная редкость. Салтыков-Щедрин написал: «В умении обратить зрителя внутрь самого себя заключается вся сила таланта». Читателя тоже. Но это только кажется, что гуманитарные науки начинаются с написанного, нарисованного. Реально они зарождаются в общении, иногда даже случайном. Бернард Шоу (для краткости злоупотребляю цитатами) написал: «Если у вас есть яблоко и у меня есть яблоко и мы поменяемся ими, то у нас останется по яблоку. Но если у вас есть идея и у меня есть идея, и мы поменяемся ими, — у нас будет по две идеи». Пусть в дискуссии не всегда рождается истина, но эмоции прокладывают путь к ней.

Еще одно условие: чтобы обменяться яблоками, надо читать работы коллег. У нас же, как кто-то подметил, большинство ученых писатели, но не читатели. А есть хороший афоризм: «Мы заслуживаем уважения лишь постольку, поскольку умеем ценить других». Надо только, чтобы было за что ценить. Требуемый норматив публикаций для защиты диссертации, ежегодного отчета о результатах исследования приводит к захламлению печатного пространства.

Правоведы не живут в башне из слоновой кости (при нынешней активности защитников живой природы их и строить не из чего). Они всегда находятся в непрерывном диалоге с государством и обществом, испытывая их властные запросы. Но даже отвлеченные теоретики точно знают, что право имеет одинаковое значение при любой стоимости бочки нефти, а при стоимости барреля ниже 40 и даже 30 долл. его значение прибавляется. Тем не менее, единства в их позиции нет, и на протяжении веков не было. Большие сложности порождаются внутренними методологическими противоречиями самой юридической науки, её вековой потребностью стать в один ряд с точными науками, не утратив при этом своей гуманистической миссии. При общем поступательном движении, это приводило и приводит к

периодическим, далеко не всегда приносящим практические результаты затяжным баталиям представителей различных школ, уж очень напоминающим ситуацию времен Гражданской войны в Испании, когда республиканцы и франкисты устраивали перерывы в боевых действиях, чтобы поиграть друг с другом в футбол, а после окончания заново начинали убивать друг друга². Дискуссий хоть отбавляй, но зачастую они сводятся к семейной ссоре, где муж говорит, что у Кутузова был один глаз, а жена перечит: «нет у Кутузова не было одного глаза».

Не буду смотреть на читателя как на зрителя сериалов, которые приучили массового зрителя к тому, что в фильме все предельно разжевывается и шаг за шагом ведется к определенному финалу. Там недопустимы какие-либо пропуски в развитии события по любым мотивам. И массовый зритель этим избалован. В юридической науке та же тенденция. От автора требуется разъяснить даже прописные истины, не оставляя читателю повода для раздумий. Главное – «чтобы костюмчик сидел», то есть соответствовал сохранившим силу требованиям бывшей ВАК. Моя постоянная цель – вовлечь читателя в дискуссию. (Одна из моих прошлых монографий даже была названа «Криминология: приглашение к дискуссии»). Отсюда многие «картины» написаны «мазками», предоставляют читателю возможность дать свое решение проблемы.

Ещё в 1890 г. А.П. Чехов в одном из писем отметил: «Наши г.г. геологи, ихтиологи, зоологи и прочие ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. В сущности, это свинство». А к юристам это не относится?

Я давно отошёл от общепринятых канонов написания статей и монографий. Стараюсь писать, как разговариваю с другом: откровенно, размышляя, порой сбиваясь, в надежде, что он поправит. Полагаю, научный

² Восточная и Западная церкви окончательно разделились в 1054 году и только в 1965 году отказались от предания друг друга анафеме, начав некий межцерковный диалог.

труд совсем необязательно должен быть занудным и непонятным, поэтому пишу «нескучным» языком и искренне считаю, что иное – проявление неуважения к читателю³. Предлагаемое творение тому подтверждение. С первого дня существования человек познает окружающий его мир. В процессе этой деятельности он и стал тем, что он есть. Одновременно человек не мог не пытаться познать самого себя. Задача оказалась сверхсложной: мы выяснили некоторые структуры атома, что позволило создать водородную бомбу, но не имеем точного представления о природе своей памяти и сознания. Для решения всего этого множества проблем создали специальную отрасль знания – науку. Показательный момент: все то, что человек использует для преобразования, он для удобства облачает в конструктивную форму. В общественной жизни такой формой является право с набором жестких, по общему правилу неизменных норм. Тот же принцип был распространен на формирование науки: у нее появилось свое «право» – облаченный в набор предписаний специальный язык – язык науки.

Откройте интернет, там констатируется: «П. Флоренский одним из первых в европейской философии создал теорию символических форм применительно к науке, утверждая, что "наука есть язык". Язык науки это система понятий, знаков, символов, создаваемая и используемая той или иной областью научного познания для получения, выражения, обработки, хранения и применения знаний. В качестве специального языка конкретных наук обычно используется некоторый фрагмент естественного языка, обогащенный дополнительными знаками и символами. Язык науки отличается точностью и ясностью своих выражений. Если на первом этапе своего развития наука в основном пользуется понятиями естественного языка, то, по мере более глубокого проникновения в предмет исследования, появляются теории, вводящие совершенно новые термины, относящиеся к абстрактным, идеализированным объектам, к новым открываемым явлениям, их свойствам и

³ Помню образную характеристику, которую дал моей кандидатской диссертации на предварительном обсуждении профессор Л.Е. Ароцкер: «Здесь сплошные штучки – дрючки! Но, на удивление, все к месту. Необходимое в избытке».

связям, с помощью которых учёный добивается строгости и однозначности изложения». Но появился еще один феномен – «научный язык».

Казните меня, но не могу понять, что это такое - «научный язык»? На какого дебила-читателя рассчитаны требования бывшей и ныне реконструированной ВАК обозначить в начале цель статьи и прочие атрибуты, если есть обширная (это тоже требование) аннотация и перечень ключевых слов? Для чего нужно, поставив в один ряд, перечислять действительных корифеев, посвятивших себя исследованию проблемы, попутчиков и даже расплодившихся Лжедмитриев, если автор использует наработки двух–трех из них по принципу: "Хайдеггер утверждал, Камю опровергал, Бердяев настаивал, Толстой сомневался..."? В результате: «Волга впадает в Каспийское море», «Лошади кушают овес». В некоторых работах на выполнение этих и других обязательных требований отводится более трети текста статьи, а итог по стилю написания и соответствию теории окон Овертона – готовый рецепт снотворного.

Увеличилась численность учёных–ретрансляторов: один что-то относительно новое сказал, десятки занимаются пересказом его в своих работах. В подражание китайскому художнику Лю Вэйму, складываются «небоскребы» из старых книжек, сыплются имена из «первоисточников», цитаты отскакивают от сознания, как градины от асфальта.

Не каждого критика интересно читать – заранее известно, что скажет, независимо от прочитанного. К тому же, пусть не всегда, но прослеживается зависимость автора от доминирующих взглядов научных авторитетов⁴. Еще Ф. Ницше писал, что люди с убеждениями совсем не к месту, когда затрагивается ценность чего-либо существенно важного. «Убеждения, что темница, чтобы

⁴ Немного истории. Партийному начальству не понравился роман И. Г. Эренбурга "Девятый вал", опубликованный в 1950 году (вместе с романом "Буря" он составлял своеобразную дилогию), показалось, что американский империализм и его наймиты разоблачены недостаточно хлестко. Как водится, устроили обсуждение-проработку, где многие коллеги-писатели клеймили Эренбурга самыми страшными словами. Обычно после таких собраний можно было ждать самого худшего. Но герой всей этой вакханалии хранил невозмутимое молчание. Когда разоблачительный пыл угас, ему предложили выступить с покаянным словом. Эренбург встал, из внутреннего кармана пиджака достал телеграмму и зачитал ее. Это была телеграмма Сталина, в которой он поздравлял писателя с новой литературной победой. Все выступавшие снова потребовали слова и стали хвалить ранее раскритикованное произведение.

судить о ценном или неценном, нужно, чтобы ты преодолел, превзошел сотню своих убеждений»⁵. В полной мере сказанное относится к характеристике убеждения исследователя–юриста, которое по утверждению психологов должно являться результатом преодоления разного рода убеждений и предубеждений: против чего-либо, кого-либо, возможности той или иной ситуации, вероятности той или иной версии и т.п. Для этого не обязательно требуется цитирование известного, важна логика его трансформации. К сожалению, отнюдь не редко публикации представляют собой набор стандартных, не всегда логически связанных фраз и оборотов, лишаящих возможности понять, из чего и как сформировалось усмотрение ученого, насколько оно соответствует объективной оценке исследуемого явления. Некоторые авторы, как сказал В. Коротич, «не умеют взять быка за рога, хватают его за разные другие места, а при этом еще и урчат от самодовольства».

Трагедия науки когда ученый пишет свое творение не для коллег – читателей, а для ВАКа. Если бы Альберт Эйнштейн соблюдал нынешние требования нашей ВАК, большая наука по сей день не знала о его открытии: оно было изложено на 40 страницах без единой ссылки.

В «Золотом теленке» Ильфа и Петрова есть памятные строки: «Гомер, Мильтон и Паниковский». Мне кажется, что разработчики существующих официозных требований к структуре научных статей, монографий и, особенно, диссертаций своеобразно руководствовались этой формулой великих классиков, игнорируя сатирический её подтекст. В результате каждый автор вынужден в начале публикации перечислить максимум фамилий учёных, чьи работы имели хоть какое-то отношение к теме его исследования, как бы претендуя на место рядом с ними. И надо признать, ныне почти каждый учёный, приступая к ознакомлению с таким творением, прежде всего, смотрит,

⁵ Ницше Ф. Сумерки богов. М., 1989г. с. 78.

есть ли в начале упоминание его фамилии⁶. Более того, современный Паниковский весьма болезненно реагирует, если не находит цитату или хотя бы ссылку на его работу. А если он еще возглавляет издательство – есть такие – претенденту на публикацию не позавидуешь.

Сегодня приобрела особую актуальность извечная проблема плагиата. Появились громкие разоблачения, отмены решений о присуждении ученой степени. Ситуация постыдная. Но как всегда, за позитивным общим стали процветать не самые лучшие частности – плагиатом стали называть не упоминание любых ранее высказанных кем-то мыслей. Столкнулся с этим и я. Откликнусь не в порядке оправдания. Научную этику чту с первого дня сознательной жизни, но слишком много развилось «разоблачителей».

Итак, в работе «Король умер? Да здравствует король!» я предложил «...поставить во главу угла хозяйственного регулирования в качестве основного субъекта потребителя-человека». Моя коллега в беседе упрекнула: «Такая идея уже обосновывалась в диссертации». Что тут возразить? С первого дня существования общества производитель работал для потребителя, учитывал его интересы и потребности. Об этом писали все, кто хоть как-то касался этой проблемы. Коллега нашла одну работу, а их сотни, тысячи. Всех перечислять? В данном случае мною было предложено подчеркнуть суть проблемы в условном названии - «антропохозяйственное право» и сделано обоснование права каждого гражданина на участие в управлении производством как конституционного собственника природных ресурсов, из которых созданы основные фонды и вся производимая на них продукция. Полагаю, при таком подходе оправдываться любому «заподозренному» не придется.

⁶ При защите докторской диссертации в первом ряду сидел именитый академик и листал экземпляр моего творения. Я ожидал каверзных вопросов, но они не поступили. В перерыве я предложил академику свою помощь в поиске нужного материала, но он ответил: «Нет, спасибо. Вы в начале диссертации назвали мою фамилию, а в тексте я ее больше не нашел». Пришлось извиниться: академик был специалистом в земельном праве, а я эту проблематику не затрагивал. К счастью, конфликт был исчерпан и у меня с ним наладились добрые отношения.

В моем понимании ссылка не просто нужна, а обязательна, если оспаривается или используется чья-то новая идея, оригинальный довод или пример. Наука – это кладёз чьих-то достижений. Даже если это гениальные открытия, со временем они воспринимаются как данность, как нечто само собой разумеющееся. Никакого нарушения научной этики нет, если общий, общепринятый тезис без упоминания предшественников используется для обоснования нового предложения. Иначе каждую работу надо начинать с «Вначале было слово», «А все-таки она вертится» и т.д.

Теперь к языку. Когда Эзопа спросили, что хуже всего в мире, он сказал: «Язык». Когда его спросили, что лучше всего в мире, он ответил: «Язык». Язык сам по себе – это не реальность, а лишь способ проявления реального, способ делать мертвое живым. С помощью своего языка ты можешь сказать и хорошее, и плохое, умное и глупое. У Шекспира мир – театр. Правоведы тоже актёры. Но слишком много теоретиков права стоит за кулисами, набираясь сил для выхода на сцену науки. Не могу смириться с тем, что даже рядовой музыкант на чёрно-белых клавишах рояля создает многоцветье звуков, а у юристов большинство научных публикаций по стилю напоминают мрачный серый протокол допроса под пыткой – стремление подтвердить только искомый факт «преступления», независимо от причин, условий и обстоятельств его совершения. Для придания убедительности текст пишется заумным языком, на его распознавание тратишь больше времени и усилий, чем на понимание содержания.

Давно опубликованную книгу «Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса», явно не соответствующую канонам, где-то бурлеск, я обозначил как эссе, но рецензенты – авторитетнейшие ученые, к сожалению, ныне ушедшие из жизни, вечная им память, обвинили меня в лукавстве: по их оценке работа полностью отвечала статусу монографии. Однако научное миропонимание корифеев не совпадает с мнением некоторых претендующих на этот статус. Чтобы подчеркнуть свою исключительность, они отстаивают идею обособленного научного языка, и любое отступление от него квалифицируют как публицистику.

Нельзя отрицать, «физики» и «лирики» говорят на своем, отличающемся языке. Но «физик» должен без труда понимать другого «физика» равной квалификации, а «лирики», в число которых входят и юристы, обязаны говорить на языке, понятном широкой аудитории. «Разговор» должен быть внятным, обоюдодоплезным. Многие же, к счастью, не все, «научные» работы стилистически неинтересны, написаны стёртым, не блещущим оригинальностью языком, не позволяющим отличить одного автора от другого, населены стандартными, переходящими из книги в книгу, из статьи в статью цитатами. Нет живого человека, есть робот с набором механических оценок на уровне школьного учебника. Если проанализировать труды некоторых апологетов научного языка, то ясно видишь, что за этой ширмой, за манипулированием терминологией и цитатами скрывается отсутствие подлинной науки, неспособность автора вразумительно изложить своё представление проблемы, (зачастую она вообще отсутствует), не говоря уже о ее решении⁷. В лучшем случае имеем вариант шуточного заявления одного конферансье: «Выхожу на сцену, произношу три слова: «Выступает Владимир Высоцкий!» - и буря аплодисментов!».

Признаюсь, когда что-то пишу, я меньше всего задумываюсь о жанре. Язык – это средство общения, способ ясно и понятно донести свои мысли читателю или слушателю. Полезно помнить Аристотеля, который сказал: «Художественное изображение истории более научно и более верно, чем точное историческое описание. Поэтическое искусство проникает в самую суть дела, в то время как точный отчет дает только перечень подробностей». Полулитературным стилем писали не только великие философы (Платон, Дидро, Ницше), но и великие учёные. Основное произведение Галилея о преимуществе гелиоцентрической системы над геоцентрической написано в форме диалога, и специалисты по итальянской литературе изучают его как литературный памятник. В свою очередь, многие работы Маркса, в частности

⁷ Молодой писатель пожаловался отцу, что не знает, как назвать свою новую повесть. Отец, еще не читавший этого произведения, спрашивает: - В повести есть барабаны? – Нет. – А трубы есть? – Тоже нет. – Тогда назови ее «Без труб и барабанов».

по экономике, насыщены публицистикой. «Художественные вольности» в научных текстах оправдывают и современные философы. Чепкасова Е.В. в кандидатской диссертации «Язык науки как предмет философского анализа», отмечая сложившееся смягчение требований к языку науки, констатирует: «Результаты исследования показали, что среди языковых знаков присутствуют не только термины, нетерминологическая лексика и т.д., но и приёмы, традиционно относимые к поэтической речи: аллегория, метафоры, и т.д.»⁸. Пишут очень даже читаемым языком многие современные ученые. Спасибо им за это.

К сожалению, согласны с великими и их комментаторами не все. Авторитетный блогер не менее авторитетного журнала «Эксперт» категорически заявил: «Не может считаться научной та работа, которая вместо устоявшейся в специальной литературе терминологии использует определения, придуманные журналистами и писателями... В публицистической или художественной литературе можно как угодно извращаться с терминологией, в научной – нельзя. Если же не можешь обойтись без экспериментов с русским языком, не надо приплетать к ним деловую репутацию ученого»⁹. Комментировать не буду. Добавлю только, что данный пассаж был приведен автором в суде в качестве довода при защите от обвинения бывшим персонажем его статьи в опорочивании своей деловой репутации как ученого. Местный суд и последующие кассационные инстанции этот довод отвергли.

Есть и более важный аспект. *Никто не хочет видеть, что апологетика научного языка – это скрытое, замаскированное стремление ученых к кастовости. Отсюда столь чтимое «Мы, Николай Второй» - «Мы считаем, Мы предлагаем»*¹⁰.

Трубим: одним из условий развития общества является повышение уровня правосознания граждан, но кастовость - это недопущение к науке

⁸ disserCat <http://www.dissercat.com/content/yazyk-nauki-kak-predmet-filosofskogo-analiza#ixzz4GShv83Oy>

⁹ Рубченко М. История с юриспруденцией./ Эксперт № 36 (769). 2011). с. 28 – 29.

¹⁰ На полях рукописи докторской диссертации моего подопечного я написал: «А кто еще вместе с Вами?». – Завершенная работа приобрела совсем иное звучание.

непосвященных, боязнь здоровой критики незацикленных людей. Примеров множество. Приведу один из статьи отечественного процессуалиста В.П. Гмырко: «С позиций деятельностного подхода есть основания для теоретического вывода: доказательства как процессуальный феномен – это знаковая структура (система), «погруженная» в процесс их формирования, происходящий на юридическом материале (признаниях, показаниях, праворелевантных вещественных объектах)»¹¹. Большинству потерпевших и обвиняемых будет понятно, чем они должны оперировать в судебном процессе, отстаивая свои интересы? Должна ли теория быть такой далекой от практики?

Более ста лет назад Лев Толстой заметил в одном из писем: «Я увлекаюсь все больше и больше изданием книг для образования русских людей. Я избегаю слова «народ», потому что сущность мысли в том, чтобы не было деления народа и ненарода». Поучиться бы нашим ученым такту величайшего интеллигента.

В свою очередь, кастовость науки, отрыв от рядовых граждан – это громадное препятствие в распространении научных знаний в широкие массы населения, тем более в наше время, когда учительница не знает, как преподавать историю, потому что версии нашего исторического развития меняются что ни день. То же в экономике и даже морали. Особо нетерпима эта ситуация в юридической науке: систему правового регулирования мы создаем для использования ее гражданами, и в тоже время воздвигаем препоны в возможности подлинно научного ее осмысления. Утверждаем, что предупреждение противоправного поведения - одна из целей наказания, но большая часть информации об этом для граждан находится за догматически-языковыми закрытыми дверями. Нельзя, в частности, пропагандировать свободу предпринимательства и одновременно не давать возможность каждому предпринимателю глубоко и всесторонне постичь условия своей деятельности. У нас же, перефразируя слова В.О. Ключевского об искусстве, правом, в

¹¹Гмырко В. Уголовно-судебные доказательства: юридическое понятие или определение? // Право Украины. 2014. № 10. С. 33.

основном, пользуются люди, которым не удалась жизнь. (Кому же она удалась?).

С.Я. Лурье, анализируя методы древних математиков, подразделяет их на две, сменяющие друг друга, категории. Одни смотрели на читателя, как на своего друга и ученика, безусловно доверяющего ему, которого он хочет ввести в самые сокровенные методы нахождения и доказательства математических решений. Им на смену пришли представители другой эпохи. Они смотрят на читателя, как на настороженного противника, готового ухватиться за всякую ошибку, за всякое произвольное или плохо сформулированное утверждение автора. Меньше всего этот математик расположен делиться с читателем секретами своего производства – как он дошел до той или иной мысли, откуда он взял то или иное решение; до этого писателю не должно быть дела. Важно загнать читателя в угол и заставить его – хочет он этого или не хочет – признать, что предлагаемое ему решение, откуда бы автор его не взял, единственно важное и правильное»¹².

Понимаю, второй метод должен быть признан истинно научным, особенно в наше время. Но лично мне импонирует первый. Если включаешь ищущего читателя в круг своих рассуждений, сомнений и намечаемых путей их преодоления, приближение к искомой истине будет намного продуктивней, и сам результат достовернее. Умные и образованные противники будут способствовать развитию твоей идеи, поиску дополнительных предметов. Не буду в подтверждение своего подхода ссылаться на приведенное А.А. Любищевым, анализировавшим со ссылкой на С.Я. Лурье изложенные научные методы древних математиков, высказывание (предположительно) Адамара: «Гениальные математики предлагают теорему, талантливые ее доказывают»¹³.

В отличие от математики, где «очевидное» зачастую оказывается самым непонятным, в юридической и других общественных науках многие выдвигаемые концепции в свете реальных жизненных ситуациях могут не

¹² Лурье С.Я. Архимед. Изд. АН СССР. 1945. С. 23-24.

¹³ Любищев А.А. Линия Демокрита и Платона в истории культуры. Изд. «Алетей»: СпБ. 2001. С. 77.

требовать доказательств, приниматься за аксиому. Выявить и правильно очертить явление или тенденцию – залог решения проблемы.

Прогресс науки неизбежно приводит к появлению новой терминологии. Однако в большинстве случаев она является достоянием специалистов - профессионалов. Не берусь судить, насколько это оправдано в целом, но при любых условиях для юридической науки, безусловно, требуется сделать исключение. Более того, целесообразно, чтобы сам термин, по возможности, охватывал процессы и процедуры, в которых участвует рядовой человек. Примером может служить понятие «криминалистическая деятельность», активным модератором которого является В.С. Бондарь. Понято, что криминалистическая деятельность субъектов, уполномоченных государством осуществлять правосудие в широком значении слова, должна иметь процессуальное оформление. Но исторически эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от участия в ней населения. Более того, немало средств и способов раскрытия преступления и изобличения виновного были изобретены рядовыми гражданами. Один из последних примеров: в борьбе с террористами, скрывающимися в домах подозрительных соседей, граждане начали наблюдать, какое те закупают количество продуктов питания. При несоответствии их привычной норме, соседи сами выясняют, кем является скрытный жилец или сообщают правоохранительным органам. Распространение, в соответствующей интерпретации, понятия «криминалистическая деятельность» на деятельность рядовых граждан и специалистов других отраслей знаний будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью.

Хочешь – не хочешь, но возраст определяет твои интересы и способности. Известный английский актер Иэн Маккелен сказал "Любой актер моего возраста знает, что в пьесах Шекспира и Чехова для него всегда найдется роль. Когда молод, играешь Треплева, потом Гаева, а сейчас я задумываюсь о Фирсе. И в Шекспире так же – начинаешь Гамлетом, потом доходишь до Полония, а уж в самом конце ты готов для роли черепа бедного Йорика". И не

только потому, что с годами уходит оптимизм. Я стараюсь не делать то, что претит, пишу то, что считаю нужным. Не сочтите за высокопарность, действительно считаю, что каждый ученый должен испытывать ответственность перед обществом. Ученые-юристы вдвойне. Не разделяю мысль Чайковского: "Вдохновения не надо ждать. Надо работать!" Без работы, без высокой образованности и постоянного изучения практической жизни плодотворных идей не бывает. Но для рождения добротной идеи нужно все же вдохновение. Его отсутствие в опубликованной работе – это трагедия.

Затрону весьма щекотливый вопрос. П. Басинский написал: «Маленькие писатели всегда нарциссы. Они смотрятся в свои слова, как в зеркало, да еще и волшебное, то, которое было у мачехи молодой царевны в сказке Пушкина. "Я ль на свете всех милее, / Всех румяней и белее?" / И ей зеркальце в ответ: "Ты, конечно, спору нет..."». А ученые – теоретики и их интерпретаторы не те же писатели? Вряд ли большинство думает столь прямолинейно. Есть градации. В начале 1930-х в Москву приехал с концертами Артур Рубинштейн. До фултонской речи было еще далеко, но железный занавес, отделяющий нас от мира, был уже вполне осязаем – и здешние музыканты, обступив гостя, искренне любопытствовали: кто на Западе лучший пианист? Рубинштейн подумал и ответил: "Наверное, Горовиц. Да, Горовиц сильнее всех". Кто-то спросил: "А Рахманинов?" - "Вы же спрашиваете о людях, а Рахманинов..." - и гость воздел руки к небу.

Свои Рахманиновы и Горовицы есть в праве. Знаю, что мне до них далеко. Но плох тот автор, который не стремится заинтересовать читателя. Поэтому стараюсь писать с привлечением множества иллюстраций не ради тщеславия, а для большей убедительности. Хотелось бы того же от остальных авторов, уважающих читателя. в Средневековье громкий смех считали рвущимся из глубин организма голосом дьявола. Инквизиторы склонны были сжигать хохотунчиков, поскольку в Священном Писании не упоминается, чтобы Христос смеялся.

Я за полемический стиль изложения, дающий экспрессию, которой так не хватает среди унылых будней исследования чистеньких постулатов. Ведь написанная статья – это не только обмен информацией, но и обмен эмоциями. А вежливость по Генриху Бёлю, порой самая совершенная форма пренебрежения. «История претерпевает величайшие сдвиги не под ударами многопудовых снарядов, а от иронической улыбки».

Получается ли в итоге что-либо полезное? Не мне - «широко известному в узких кругах» - судить. Как написал Арсений Тарковский, «На белом свете чуда нет, / Есть только ожиданье чуда. / На том и держится поэт». Ученый, в значительной мере – тоже.